

Кто продолжит традиции?

Художник и время

В ряду общечеловеческих духовных ценностей особое место принадлежит балету, и в первую очередь русскому, советскому. Его приоритет признан в мире и неоспорим, наш балет на протяжении многих десятиле-

тий является образцом одухотворенного слияния прекрасной музыки и не менее блистательной хореографии, источником вдохновения для композиторов и исполнителей, примером изящества и утонченного вкуса.

Нам повезло оказаться среди тех, кому довелось танцевать на сцене Ленинградского академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова, быть участниками и первыми исполнителями в ряде спектаклей, отнесенных в золотой фонд советской классики. Одухотворенные идеями становления и развития нового общества, такие постановки отражали в себе и огромный опыт замечательных традиций отечественной культуры.

«Щелкунчик», «Пламя Парижа», «Бахчисарайский фонтан», «Ромео и Джульетта», «Лауренсия», «Золушка», «Медный всадник» — вот неполный перечень спектаклей, которые завоевали признание и восхищение зрителей. Нашу эстафету приняло новое поколение хореографов и исполнителей. На сцене театра родились «Шурале», «Каменник в цветках», «Спартак», «Легенда о любви», «Ленинградская симфония», «Берег Надежды». При всем многообразии авторских почерков адрес сцены был всегда узнаваем своей коренной связью с традицией.

Бессспорно, на театральной сцене и в балете тоже не может и не должно быть навечно канонизированных хореографических решений. Творческий поиск нужен, чтобы обогащать искусство. Но именно обогащать, а не обеднять его, подменяя, как это иногда бывает, подлинные ценности суррогатом.

С начала семидесятых годов один за другим появляются на сцене театра спектакли, где идейно-эстетическое содержание дает крен в сторону приобщения к старым и новым веяниям в творчестве западных хореографов.

Новые постановки существенно потеснили в репертуаре шедевры русской и советской классики, а часть из них и вовсе исчезла с афиши. Даже «Жизель» в редакции великого М. Петипа, спектакль «душой исполненного

полета», вдруг стал подгоняться под характерный для зарубежной сцены стереотип. В новой редакции «Жизели» оказалось в результате утрачено то, что было накоплено многими поколениями выдающихся русских и советских артистов, и прежде всего — неповторимый исполнительский стиль. Задуманность, лиризм и глубина уступили место вычурной манерности. Заимствованные атрибуты мистики, педантирование эффектов машинерии, игра «на публику» ворвались в спектакль, разрушая его благородство. Больно ударило «обновление» и по несравненному Кировскому кордебалету: исчезли волшебство и таинство его дыхания, прозрачная стройность певучих линий, вдохновенная образная наполненность. Их подменили механистичность и холодная прямолинейность муштры. Критика, надо сказать, не обошла вниманием перемены в эстетике театра. Однако выступления в печати по этому поводу, похоже, лишь стимулировали тягу руководства балета к «осовремениванию» репертуара. Новое оформление «Лебединого озера», равно как и модернизация исполнительского стиля, прибили пропавший на весь свет ленинградский спектакль к черте «мировых стандартов».

Проникновенная образность этого спектакля — эталона русской классики — сегодня начинает отходить в область легенд. Мужской полетный танец, сформировавшийся главным образом в советский период в творчестве А. Ермакова, В. Чабукяни, К. Сергеева и их преемников, ныне ориентирован на подражание стилю некоторых женоподобных западных танцовщиков. Может, так и нужно? Думаем, нет. Нам кажется, можно придерживаться общепринятых в мире силуэтов одежды и автомобилей, но изменять тому, что самобытно, непреходяще, является национальным достоянием, нам не пристало. Тем не менее тен-

денция наблюдается именно такая. Многотиражная газета театра «За советское искусство» недавно поведала читателям: к переделке намечен и другой шедевр — «Спящая красавица», гостя на сцене и без того теперь довольно редкая. Замечательный образец классического ансамбля М. Петипа в редакции А. Вагановой, украшение и праздник сцены — балет «Пахита» в новой редакции, якобы «приближенной к оригиналу», сегодня являет собой парад безвкусицы, завитушек и вычурной помпезности, вызывает чувство обиды за утраченную красоту.

Три года назад к юбилею театра на его сцене поставили балет «Ретро» под названием «Времен протекших заветы, или Бенедикт балета». Во всем блеске плюшевой мишуры перед зрителями прошла вереница картин, по мнению постановщика, отражающих историю балета. Ревю заканчивалось своеобразным «парадом-алле». Смотришь это представление и чувствуешь — исполнителям, несмотря на бойкие финальные пробежки и нарочито радостное возбуждение, как-то неловко находиться на сцене.

Не порадовала зрителя, ничем новым не обогатила его и премьера «Ревизора». Самобытность характеров в спектакле вдруг предстала в виде штампа или маски в среде мажорно, подменивших героев бессмертной гоголевской комедии. Шедевр классики превратился в анекдот, где кривляние актера, только бы извлечь смешок в зале, по поводу и без повода, очевидно, стало самоцелью.

Помним, какой энтузиазм среди театральной общественности вызвало обращение коллектива к поэме Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Вот, думалось, благодатное поле для художника! Какая глубина и высота поэтических образов в литературном первоисточнике!

Естественно, что каждый автор вправе выбирать те средства выражения, которые, по его мнению, создадут свой неповторимый, но узнаваемый мир поэмы. При всем том неприменное правило — зритель вправе знать, что происходит на сцене, и если не сопереживать, то по крайней мере — иметь возможность отличать добро от зла, свет от тьмы, любовь от ненависти. В спектакле эта задача представлялась трудноразрешимым ребусом. Малоубедителен и стилизованный разноречивый выбор пластических средств, а отсутствие образности делает непонятным, зачем исполнитель вдруг решается на сложный по-луакробатический трюк, выхваченный из конкурсного арсенала? Адажко солистов в подражательной М. Бежару пластике вызывает чувство досады за тех, кто на прославленной классической постановке сцены должен жертвовать изяществом одухотворенного танца несвойственному традиции театра модерну.

А что же с образным осмыслением проблематики поэмы и динамикой драматургического развития в спектакле? Они остались вне сцены, лишь в замыслах постановщика. Посему и судить о них невозможно.

Не могла не привлечь к себе внимания масштабностью избранной темы, желанием отразить в хореографии героиню революции и последняя работа театра — балет «Броненосец «Потемкин». Душа ждала и жаждала чуда. А в итоге — общая приземленность повествования и наигрыш, разочарование и уныние, снова чувство неловкости за прославленный коллектив.

...В краткой рецензии искусствоведа М. Бялика в «Правде» постановка отнесена отнюдь не к числу достижений театра. Можно соглашаться с оценками автора, можно ему и возразить. Ведь его мнение не есть истина в последней инстанции. Главное, думается, из критических замечаний уметь извлечь рациональное зерно, озоботиться улучшением дела. А в театре встретишь публикацию в штыки. Чтобы отринуть критику, тут разожгли страсти, каких, к сожалению, ныне недостает на сцене. И это, как нам кажется, очень тревожно. Столь болезненная реакция свиде-

тельствует о серьезном недуге в труппе, о нездоровом нравственном климате, противопоставленном истинному творчеству.

За последнее десятилетие не однажды и в положительных рецензиях на постановки звучали интонации опасений за судьбу балета Кировского театра. Буквально на днях их высказала в газете «Советская культура» народная артистка СССР И. Колпакова, которая видит выход из создавшейся ситуации в подъеме профессиональной культуры артистов, балетмейстеров, всех работников хореографической школы. Но обоснованные предостережения остаются глазом вопиющего в пустыне. Так называемый «новый хореографический язык» настойчиво прививается на прославленной сцене.

Мы не против экспериментов, нет. Искать и пробовать надо. Но не на основной, а на малой сцене, которая имеется в театре. И только убедившись, что постановка состоялась, получилась талантливой и способной послужить приумножению славы коллектива, переносить ее на главную сцену.

Что ждет молодое поколение исполнителей при нынешней репертуарной политике театра? Чему и как ему учиться, если даже репетиторский состав балета в значительной степени случаен?

Надеемся быть правильно понятыми нашими молодыми коллегами по сцене прославленного театра — не ревность к их известности, не свойственная подчас людям старшего возраста склонность к поучениям говорит в нас. Эти замечки продиктованы заботой о чести сцены, принадлежностью к которой дорожим и поныне, желанием помочь упрочить славу ленинградского балета. Талантливому коллективу это вполне по силам. А ключ к успеху один — бережное отношение к традициям русской хореографической школы, их развитие и обогащение на основе национальной самобытности.

Т. ВЕЧЕСЛОВА.
Заслуженный деятель искусств РСФСР.

А. ОСИПЕНКО.
Народная артистка РСФСР.
г. Ленинград.